

«СОЛЕННОЕ ДЕТСТВО»

Александр Гезалов

От автора

Мне кажется, я всегда мысленно что-то пишу. Или смотрю фильм — прокручиваю перед мысленным взором невидимую пленку, на которой события, лица, судьбы разных людей. И большое желание — достать все это "изнутри" и показать всем.

Люблю наблюдать за людьми. Например, в автобусе разглядываю кого-то и замечаю на руке наколку "Валя". Вглядываюсь в лица состарившихся людей, тех, кто уже начал ветшать. Смотрю на детей, идущих рядом с родителями. Всматриваюсь в ночные окна, пытаюсь представить, что там, за шторами... Зачем мне это, почему?.. Не знаю.

Зачем я, уступив своему невнятному желанию взялся за перо, чтобы рассказать о своем "соленном" детстве?.. Тоже не знаю.

Мне бы очень не хотелось, чтобы, читая эти строки, вам показалось, что я хочу разжалобить кого-то, чтобы меня кто-нибудь пожалел. Нет. А хотелось бы, чтобы, прочитав воспоминания о "соленном" детстве, у кого-то дрогнуло сердце. Может, этот кто-то вспомнит о своих детях. Где они, что с ними? Или, встретив ребенка из детского дома, вы будете готовы не только "жалеть", а искренне помочь такому ребенку. Всего-то и надо — поучаствовать в его судьбе. Часто до этого не доходит, "дядина-тетина" конфета уже считается участием... И где та золотая середина, когда, оказав помощь и содействие сироте, нужно вовремя отойти, дать ему самому шанс и возможность сделать первый самостоятельный шаг в жизни. Он-то чаще всего не понимает, что ваша помощь не может длиться вечно и только он сам может помочь себе...

О себе и товарищах моих, их судьбах я старался писать максимально правдиво, так как считаю, что важно написать именно правду. Может, правда расставит все на свои места спустя годы, хоть как-то облегчит нынешние сиротские страдания (хотел убрать эту фразу, но это тоже правда). Многих из моих друзей уже нет в живых.

Детство бывает разное, и зависит оно только от родителей. Только они ответственны за детство своих детей.

Мне не хотелось бы, чтобы эта книга звучала обвинением родителям, не о них речь, для них скорее — "не суди да не судим будешь". Но детские дома есть и будут существовать еще очень долго, и надо суметь помочь детям-сиротам обрести себя, понять мироустройство и найти в себе мотивы Надежды, Веры и Любви. Все это как "живая вода" их раненым душам. Любите этих и всех детей, и они будут счастливы. Хотел бы, чтобы мои воспоминания прочли педагоги, работающие с детьми-сиротами в детских домах. У меня не будет советов и предложений, как быть. В этих воспоминаниях просто рассказывается, как было, было у меня и моих друзей, лишенных родительской любви, семьи и получивших взамен "системное воспитание". Спустя годы могу назвать детский дом одним этим словом — "система". Может, кому-то из педагогов эти воспоминания помогут понять эту систему, разобраться в хитросплетениях взаимоотношений всех участников "процесса".

Детские дома отстают от быстро меняющегося времени "внешнего мира" из-за их закрытости от общества, внутреннего "порядка". Маневрировать "во времени" сиротам значительно тяжелее, чем детям домашним. Суметь оценить детей, их старания и желание жить максимально счастливо, как это только возможно в детском доме, содействовать им в этом и помогать в дальнейшем — это так важно. Дети, любые дети хотят радости и тепла... Надо постараться помочь им обрести это тепло.

Все вспомнить!

Петрозаводск. Вечер.

Прогулял собаку (о ее судьбе напишу чуть ниже), подышал воздухом, будто перед погружением. Посетил собор Александра Невского, пошептал молитву. Готовлюсь. Знаю, что именно сегодня писать о детдомовском детстве.

Долго выбирал музыку, под которую будет л работать, выбрал песни из кинофильмов Рязанова-под них жил, значит, и вспоминать под них... Потом поставлю Марка Бернеса, он мне близок, очень... Жизни, как песни, разные.

Не думал, что так нелегко вспоминать прожитое, пережитое... А что в жизни просто? Важно начать.... Нет, поставлю Бернеса раньше, предсмертный диск, очень уж голос печальный...

Да, именно Петрозаводск и никак иначе. А ведь могла быть, например, Москва. Или Суздаль, Владимир, Судогда, Собинка — в общем, вся Владимирская область. Именно там прошло мое странное детство. Там меня кидало, мотало из одного детского дома в другой...

В 1990, после трехлетней службы на флоте, мне было все равно, куда ехать. Меня не ждали — везде. Можно было выйти на любом полустанке. Я вышел в Петрозаводске. О чем не жалею. Эдакая странная свобода, свобода выбора свободы...

Отказник

Фраза "все мы родом из детства" и про меня и не про меня. Не было у меня детства, того, что бывает у всех. Сладкого, веселого, беззаботного, с Мамой и Папой. Я знаю лишь того, кто меня создал. Он там, наверху... Так легче. Представить тех, кто меня родил и оставил, трудно, мучительно трудно... За что?

Кажется, что помню себя совсем маленьким, как ни странно, — только что родившимся, понимающим, что меня оставляют в роддоме. Я спрашиваю глазами: как мои дела? Что-то белое, которому неловко смотреть мне в глаза. А "оно" все причитает: "Мама придет, мама придет..."

Эта странная фраза врезалась в меня, как в пароход торпеда. Куда и зачем от меня уходить моей маме? "Белое" уже знает, что мать не придет. Знаю и я. Но "их" так научили говорить "правду", чтобы ребенок не ерзал, не плакал — молчал, как перед расстрелом.

Потом я очень долго не слышал эти четыре буквы, очень долго : М, А, П, А. И нелепо потом звучал вопрос в детских домах: ты любишь свою маму? Какую маму? Чью маму? Покажите мне ее, может, я и дам ответ... К чему эти иллюзии о маме, которой нет рядом? Иллюзии мешают жить... Уже потом, выпускаясь из детского дома, ковыряясь в "отпускных документах, я встретил мятые строки корявой записки: "Отказываюсь от сына, потому что не могу..." Жалею, что бросил на ветер этот желтый бумажный листок, как когда-то был брошен сам. Видимо, гены — все бросать... Наверное, я тогда пожалел мать... Но по незнанию я много чего выкинул в жизни. Теперь на руках лишь одна ламинированная справка: жил в детском доме, печать. И ничего более...

Печать на всю жизнь.

Начало

Поискав в наших головах насекомых и поставив диагноз — педикулез, меня и сотоварищей отправили в Гусь-Хрустальный — красивый русский старинный город — город подпольного хрусталя.

В каждом новом детском учреждении всех и всегда почему-то интересовала моя фамилия. Меня спрашивали, знаю ли я азербайджанский. Это было нелепо, ведь известно, что я родом из роддома. Я и русского- то толком еще не знал. Но спрашивали, не задумываясь. Порой просто из праздного любопытства. Так заглядывают иногда в аквариум, чтобы спросить, как зовут рыбку. Но я же не рыбка, хотя... Одно время я даже хотел сменить фамилию — на Колокольцева, например...

Сад-огород

Наш "сад-огород" находился возле рынка. Мы занимались тем, что стояли около забора и жалобно смотрели на прохожих — уже тогда мы начинали "сиротствовать", зная, что ждать участия нам больше неоткуда. Иногда нам кое-что подавали. Больше всех перепадало мне, видно, "красиво" делал глаза. Прохожие пихали нам в кармашки семечки, конфеты, соленые огурцы... И в дальнейшем "сиротство" часто спасало, помогало выжить. И можно ли винить детей, которым самим приходится искать страну радостного, "сладкого" детства?

"Воспы"

Воспитатели, они же "воспы", частенько собирались в беседке, курили "Беломор" и говорили о том о сем. Я, притаившись поблизости, подслушивал, за что мне иногда доставалось. А мне было интересно, о чем говорят взрослые тети, у которых столько личных проблем на работе и дома. Чтобы меня не поймали в очередной раз, я заползал под беседку и, лежа на земле, подложив под голову руки, слушал "кинорадио".

О чем только они не говорили: о зарплате, о кухне, о директоре... И обо всем смачно, грязно, порой с ненавистью. Но больше всего доставалось мужьям. Он такой-сякой, убила бы — говорила одна, а другая вторила: и я бы своего убила. Я не знал, кто такие мужья, мне думалось, это собаки или еще какие-то животные. Особенно помню одну "воспу" в кожаном пальто, всегда с беломориной в черных зубах. Нас она называла товарищами, а воспитательниц — дорогими товарищами... Она не очень-то следила за нами. Бывало, стоит со своей папиросой и смотрит куда-то вдаль. А мы копошимся где ни попадя. Однажды я даже свалился в бассейн с фонтаном, потянувшись за желтым осенним листком.

Наказания у нас были разнообразные. Иногда ставили на колени на пшено или другую крупу. Не раз и мне доводилось, как, впрочем, и всем. В "саду" жили два попугая, у них-то и заимствовали "продукты" для этих целей.

С тех пор попугаев не завожу.

Ночь

Вечером в "саду" стоял ор. Орала все дети, от мала до велика. Просто на работу вышла "нянечка". Не помню ни ее лица, ни комплекции, ни возраста, ни имени, ничего — все как-то стерлось из памяти. Помню часы "Заря" на металлическом браслете. Зло запоминается плохо, спасибо памяти за это.

"Няня" повадилась ходить ночью в кочегарку к кочегару. А в качестве профилактики нашей бессонницы вместо лекарства для крепкого сна она использовала игровую резиновую лопату. Мы покорно откидывали одеяла, а головы прятали под подушки — шла "дубаска". Лопата была такая жесткая — тогда не делали мягких, жаль... Проведя профилактическую работу, "няня", довольная, уходила на всю ночь. А за окном темень, ветер, деревья скребутся лапами-ветками в окна... Страшно. А позвать некого. Так было всегда — некого было звать и потом. Надеяться только на себя мы приучались в самом младенчестве. Вы скажете — и хорошо. Но тогда зачем вокруг нас столько персонала? И чем они занимаются?..

У "няни" с кочегаром часто бывали разборки, она запирала дверь, он бегал под окнами, орал что-то непотребное. Многие от страха стали писаться в постели. Ночь как время суток на все детство стала мне ненавистна.

Когда "няня" кочегарила, впервые мы начали самостоятельно ходить "на горшок". Для этого надо было встать, пойти в туалет, влезть на табурет, достать "подписанный" фруктами и овощами вместо имен горшок и справить в него нужду. Я чаще всего был "арбузом" или "кабачком". Настоящий "сад-огород", где мы — фруктово-ягодные дети...

Как-то раз, когда я доставал свой "кабачок", все горшки свалились мне на голову и пробили ее. Так на голове появился первый шрам. В дальнейшем их будет немало, но этот

был первый, починный. Испугавшись, я лег в кровать, а кровь все текла... "Няньку" уволили (тогда за это не судили), но тут же взяли в другое учреждение. Какой директор честно напишет о своем недосмотре? Но пришли другие "няньки", с другими методами борьбы с детьми. Они включали свет среди ночи, грозно вопрошая, кто хочет писать... Теперь сплю чутко. Жду, когда позовут.

День

Все вокруг нас было крайне убогим. Может, время было такое? Старая мебель, старая одежда, старые, громоздкие игрушки... Помню грузовик, железный — ну очень большой... Мы никогда не играли в войну, дочки-матери. Мы получали каждый какую-то свою игрушку и тупо сидели возле нее. Потом обменивались. Мы никогда не дрались — нечего делить, все улажено-налажено. Правда, как-то раз кто-то ударил меня машиной, той самой, железной, я ударил в ответ деревянным конем. Потом долго стояли "в пшене", прорастали. Кормили одним и тем же: суп, макароны с картошкой, кисель с белым хлебом. Съедали все до крошки. "Воспы" грозились, что если кто недоест — "чебурашку" не увидит. Этот метод кнута и пряника в дальнейшем применялся часто. Приходилось подчиняться. А куда денешься с подводной лодки? Иногда даже и сейчас ловлю себя на том, что ем, как собака у будки: глотаю быстро, давлюсь кусками. Не умею есть. Зато я всеяден, что в наше время, в общем-то, приветствуется. Каша? Давай кашу. Компот? Согласен и на компот... Без разницы. Так легко потом детдомовцам на "зоне" — все равно, чем живот набить. Нас словно и готовят для такой жизни. И еще мы должны быть признательны за "образование"...

Мы всегда запасались хлебом: сушили куски на батареях, а ночью грызли, как хомяки. Особым шиком считалось — приготовить жареный хлеб. Для этого надо прижать кусок раскаленным утюгом — голь на выдумки хитра.

Конечно, было чем поживиться крысам: все батареи, все углы в палатах были забиты сухим хлебом. Уборщиц не было, мы убирали весь детский дом сами. А "хлебосушка" функционировала всегда, вплоть до ПТУ, да и в ПТУ тоже.

Верите, чего-то светлого в "саду" не помню. Может, и было что, но забылось. Один день был похож на другой. Подъем, обтирание сырой варежкой перед открытым окном, прыжки на холодном полу... Нет, был как-то случай. Одна повариха стала брать меня домой — вместе с продуктами. Может, из жалости. Как-то раз я съел у нее все конфеты в буфете. Было смешно, что она, взрослая тетя, говорила со мной, как с новорожденным. Видно, у нее не было детей, хотелось "посюсюкать", а я — в буфет и конфетам — привет... В общем, развеял ее мечты по поводу материнства. Она отматерила меня и вернула в детский дом. Мне же было все равно, я наелся конфет надолго, еще и товарищам принес... Больше она меня домой к себе не брала.

Первая больница

У меня развилось заражение крови, и меня отправили в больницу, в "нулевую" палату. Больница была деревянная. Я целыми днями лежал в кровати, на спинке которой висела какая-то бирочка — с именем, наверное.

Этот период помню фрагментами. Часто приходили врачи. Смотрели на меня, я на них. Они говорили: долго он не протянет. А я думал: что, что я не протяну?.. Меня носили на табуретке в процедурную. Большим шприцем "тянули" из одной руки странную черную кровь, а в другую руку вливали красную — во мне много чужой крови. Ко мне никто не приходил. Моя прикроватная тумбочка была всегда пуста. Помню, когда я понял, что все будет хорошо: проснулся среди ночи, а на моей груди сидит кошка. Я не мог ее погладить, но она стала часто приходить.

Однажды я пролил какую-то микстуру — пузырьки и баночки с лекарствами в большом количестве стояли на табуретке у кровати. Я поднялся с постели и, шатаясь, пошел в туалет

— искать тряпку. Я передвигался, держась за стенку, и сидящие на посту медицинские сестры отметили, что я иду. В туалете я взял тряпку, принес в палату и, обессиленный, рухнул возле кровати. Так и пролежал до утра на тряпке.

А потом наступила весна. Она ворвалась в распахнутые окна больницы птичьим гамом, заново освятив мое существование. Я подходил к окну, упирался лбом в оконную раму и смотрел и слушал весну. Потом меня стали отпускать на улицу. Я сидел на лавочке. Рядом кто-то чирикал, небо было синее, трава зеленая — жизнь продолжалась.

Ко мне стали приходить больные из других палат с гостинцами, и моя тумбочка теперь никогда не была пустой. Чужие люди садились на краешек моей кровати и говорили со мной... В больнице я провел около года. Но потом меня вернули "на место" — в "сад-огород".

Мой первый выпускной

В 75-м в нашем "саду-огороде" состоялся выпуск. До сих пор помню запах одинаковой одежды, которую нам выдали. Ранцы, пеналы, линейки и прочее — все было один в один. Мы заглядывали друг к другу в пеналы, искали что-то не похожее, отличное — "красивое", и не находили.

Помню, директор построила всех, как перед отправкой на фронт, и зачитала, куда и в какой детский дом уезжает каждый из нас. А нам было все равно — куда. Душа под формой радовалась: нас ждут какие-то перемены, пшено и "воспы" в прошлом... А зря радовались. Потом я уже редко верил в перемены к лучшему, так как за время пребывания в детских домах редко видел, чтобы плохое перестало быть плохим, просто одно плохое сменялось другим плохим. Уже когда нас посадили в автобус, к нему подошла какая-то бабушка и, назвав мою фамилию, спросила, где я. А ей "честно" сказали, что я в корпусе...

Так "воспы" могли бы изменить мою судьбу, но им не хотелось тратить на меня время, разбираться, кто и зачем интересуется мною. Я не знаю, что за бабушка это была, но может... а вдруг?..

"Воспы" в последний раз сказали слова прощания, и мы поехали. Я прильнул к стеклу и смотрел, как уходит "сад-огород", как уплывает город — в прошлое, в даль, в "файл памяти"...

На наши места в "сад-огород" пришли новенькие. Конвейер, который лишал детства в семье, работал исправно. Самое простое — забрать из семьи, лишить всех прав...

Детский дом — соломинка для того, кто уже утонул.

Новый, ну очень новый

Меня отправили в поселок Новый Гусь-Хрустального района в старый деревянный детский дом. Странно, практически не помню светлых и красивых детских домов. Все они были крайне убоги и стары, как будто детство "такого" ребенка может проходить только в "таком" месте — чтобы не смущать, не давать надежду, не соблазнять. Новые здания для детских домов не строились, не строятся и сейчас. Зачем? Нужны ведь только стены и крыша над головой. Это была "забота" государства — трудно должно быть во всем и с самого начала. Если посмотреть на фотографии моих детских домов, не поймешь — то ли это психиатрическая больница, то ли что-то похуже.

Все новое в Новом

Когда нас выгружали и сдавали "по списку", все воспитанники-старожилы почему-то смотрели не на нас, а на новенькие ранцы и форму. Потом я понял, что частная собственность в детском доме будет отсутствовать всегда. Все общее — значит, не твое. Это

со временем приносит страшный вред в имущественных отношениях — не жалеть ничего, отдавать все, безграмотное широкодушие (в кавычках, конечно же).

Старшие девочки "щедро" отобрали у нас ранцы, одежду и выдали их "дочкам" и "сынкам" — тем, кого они патронировали и таскали везде за собой, как кукол. А нам отдали их старую одежду, заявив своим "детям", что купили все новое в магазине. Так они играли во взрослость. Взрослые проблемы решались легко: отними у чужого и отдай своему — и все дела. "Куклы" радовались. В дальнейшем эта тема "свои-чужие" всегда присутствовала в отношениях детдомовцев. Младшие делились на тех, кого опекали и кого нет. Это псевдоматеринство не имело ничего общего с настоящим материнством, хотя многим так не казалось. Потом, повзрослев, когда наши "мамочки" рожали, обеспечить своих настоящих детей всем необходимым они не могли и не умели. Результат: их дети опять в детском доме. Детдомовские родители точно знают, что государство всегда накормит-оденет их детей.

Мне не посчастливилось попасть в число "обаяшек" — не вышел ни ростом, ни мордашкой и, самое главное, не был похож ни на одну из старших девочек, значит, не "сынок". Это тщательно отслеживалось, и при малейшей схожести у тебя появлялись "маман" или "папан". Средние проверили нас, лысых и бритых, на вшивость — тогда из учреждения в учреждение детей передавали с такими "прическами". Это было удобно — вши оставались без хозяина. Помню, одна девочка плакала и кричала при стрижке, умоляя, чтобы ей вернули на место волосы. Старшие, издеваясь, уложили ей состриженные волосы на голову, обещая, что они прирастут. Девочка поверила и какое-то время носила пряди волос на лысом черепе. Все смеялись над ней, а мне, семилетнему, было жаль ее.

И с первого дня на новом месте в поселке Новый мы не только учились, но и работали. Потом вообще перестали учиться, только работали. У нас были свиньи, лошадь, куры, еще какая-то живность. Детский дом занимался выживанием, и все должны были работать, чтобы кушать. Зачем учиться? Директор говорил, что труд сделал из обезьяны человека. Но научить трудиться по-настоящему нас так и не смогли. Потом трудно объяснить уже взрослому человеку, как нужно работать. Что есть коллектив, с которым надо строить отношения, есть трудовая дисциплина, наконец. В детском доме так извратили понятие ценности труда, что повзрослевшим детдомовцам идти работать просто уже не хотелось. Многие искали иные пути и находили — в тюрьме ведь тоже кормят бесплатно...

Работа

Нас сразу определили в бригаду по уборке свинарника, и мы получили клички "свинари". Свинарник был не худший вариант. Ведь могли еще послать пилить дрова, грузить уголь, копать огород... Старшие в этом не участвовали, в их обязанности входило радостно гонять нас на работу. Средние следили за нами. Они тоже свое уже отработали и готовились стать старшими. Так потом было везде и всегда, работники детских домов понимали, что управлять младшими удобно с помощью старших, которые когда-то ведь тоже были младшими и прошли через тот же горький опыт. Страх и еще раз страх — вот на чем держалась воспитательная система детского дома тех лет. Потом я с этим столкнулся в армии, "дедовщина" не стала для меня открытием, но к чему такой опыт семилетнему мальчику или девочке, оказавшемуся под опекой государства? По какому праву взрослые дяди и тети перекладывали свои воспитательные функции на плечи обозленных на все и вся старших детей?

Как-то с товарищем чуть постарше мы присели отдохнуть в дровне. Директор, увидев, что мы не работаем, схватил меня за ухо и поднял за него, произнес в лицо: "Кто не работает, тот не жрет". Потом я долго пилил дрова. А врачу сказал, что ухо задело пилой. Она обрадовалась, что я такой сообразительный и не создаю проблем, дала мне витаминку, не забыв сунуть себе в рот другую (что меня почему-то насмешило тогда).

"Учеба"

Как ни странно, учился я хорошо, даже очень. Был старателен, прилежен. В дневнике всегда красовались только высокие отметки, за что мне, впрочем, порой доставалось. Придет старший и спросит: кто лучше всех учится? Никто никого вслух не выдавал, но все смотрели в мою сторону или еще на такого же бедолагу-отличника, и приходилось идти поливать огород. Или нас гнали за сигаретами в магазин, или собирать "бычки" на улице.

Как-то старшие собрали всех и сказали, что они решили "снять" телевизор, нужна массовка в магазине. Мы "помассовались" — а куда денешься?

Потом в милиции нашли крайнего из числа средних, посадили на "малолетку"...

Поселок занимался добычей торфа. Мы гоняли вагонетки по железнодорожной ветке, катались, чуть не врезаясь в проходящие электрички. А еще клали на рельсы монетки для расплющивания — интересно деньги плющить.

По поселку пройти спокойно было нельзя — местные всегда задирались, обзывали "инкубаторскими". То же было и в суздальском, и в других детских домах — нас чуяли за версту.

Я всегда носил с собой камень-гальку в кармане, так было проще отбиться от местных мальчишек. Обычно окружив тебя со всех сторон, они начинали обзываться, пинать ногами. Я крутился как волчок и все размахивал рукой, в которой был зажат камень. Никто не хотел получить в лоб, они отскакивали, тут и надо было делать ноги, а бежал я быстро... Уже у забора детского дома орешь как шальной-больной. "Наши" услышат — и пошла драка под забором. Я камнем не бил, не принято было. Потом настала мода отливать из свинца машинного аккумулятора "свинчатки" и носить в карманах на всякую битву. У меня тоже была "свинчатка". В боксе есть удар, "свинг" называется. Вот и мы старались свинговать плавленным свинцом. Был момент, когда весь мужской коллектив детдома местные вызвали на общее побоище, и мы, младшие, получили от старших заказ — отлить побольше свинцовых кастетов. Мы "кузнечили", как перед Куликовской битвой, старшие нам даже еду носили.

Я только позже понял, откуда у поселковых такая злоба на нас. В школе "наши" "чистили" карманы, тащили что под руку попадет, обирали сады и огороды. Получается, поселковые были правы.

А как-то раз я застрял на сеновале, и туда пришли старшие — он и она — "поиграть". Помню их имена и фамилии по сей день. И они мне долго "поминали", как я вылез из-под сена в самый разгар "игр". Хорошо, что она его удержала, он убил бы, наверное.

Директора сняли с работы — что-то он там с девочками вытворял. Вызывал их поочередно убирать свой дом, закрывался с ними и "помогал". По-моему, его даже посадили, с конфискацией. Все ходили радостные, как после революции, полная вакханалия в детдоме была: нет "дира" — все до пира, учебе — привет. Но когда нам "дали" другого директора, старого все стали вспоминать как "хорошего". Дети-сироты — это такое дело... Продадут, если надо. И не их это вина, жизнь учит искать выгоду в любых ситуациях...

Особые впечатления мы получали от праздников. В детдоме существовал неписанный закон: все подарки нужно класть под подушку. Приходили средние и "дербанили" их, потом все отдавали старшим. Максимум, что доставалось нам, карамель. Мы и лакомились. Найдешь палочку-спичку, воткнешь в карамельку — вроде ничего...

Так было во всех детских домах, в которых я побывал, а их на моем счету — более десяти, разнопрофильных, разножанровых. Зарешеченных, пропускных, туберкулезных и т.д. Всякие были. Так что к подарку у меня отношение было особое. Как-то мне подарили красивый пластиковый саксофон. Так я его разбил, чтобы другим не достался... Меня про него долго спрашивали-допрашивали, чтобы отобрать и продать, я молчал как партизан, потом сказал, что украли...

Практически все курили. Взрослость свою показывали именно так. Я не курил никогда. Старшие гоняли младших за "бычками", "хабонами" (гоняют и сейчас), был даже определен количественный принос: двадцать-тридцать штук. Принес — молодец, нет — в глаз.

Почти по Распутину

Но не все было плохо в поселковом детском доме, есть и что хорошее вспомнить. Там впервые ко мне отнеслись по-человечески, это была моя первая учительница. Потом такие отношения я видел в кино "Уроки французского" по рассказу Валентина Распутина. Но в фильме меня смутило, что парня из семьи отправили зачем-то учиться в город, чтобы он там мучился от голода. Понятно, родители хотели, чтобы сын выучился, но когда вопрос стоит о жизни и смерти...

Не знаю, догадывалась ли моя учительница, что творилось у нас на самом деле, но она часто приглашала меня к себе домой. Помогала, всячески поддерживала. Она жила в самом поселке, но все же недалеко, в доме за красивым забором. Что еще сохранила моя память, это то, что к дому надо было идти через кладбище. Тогда я задал первый вопрос о смерти. Она мне деликатно отвечала на такие вопросы, объясняла, как могла, но всегда оберегала от того, чтобы я воспринимал смерть как способ решить жизненные вопросы быстро и легко. Она была верующая, православная, в доме висели иконы, но в школе этого не знали.

И с тех пор я как-то перестал бояться смерти, и это помогло мне пройти через множество пределов, ситуаций и опасностей тогдашней "зазубристой" жизни.

Она всегда встречала меня у порога, проводила в дом. Я точно не помню, что она говорила, но помню, как вкусно кормила меня. Про синяки не спрашивала. Сидела напротив и, подперев руками подбородок, смотрела, как я ем. Я старался "соответствовать".

Осенью ее сад был усеян яблоками, она их не собирала, ей нравились они на деревьях и на земле. А я жадно набивал карманы — сколько мог унести, и тащил в детский дом.

Все прекратилось в один день, когда я по глупости взял с собой одноклассника. Он, выслуживаясь перед старшими, "сдал" меня. Из ревности или из-за еще чего, но старшие запретили мне ходить к учительнице. Скорее всего из зависти. Я бы, наверно, тоже запретил на их месте. Вспоминаю картину. Я ухожу навсегда, оглядываюсь — она стоит на пороге своего дома, а за домом радуга... Я пятился спиной вперед, чтобы запомнить этот момент навсегда.

Как она сейчас, добрый человек? Жива ли? Я так признателен ей за заботу и отношение ко мне, совсем еще маленькому, слабому, невразумленному человечку. Мне стыдно, но я не помню ни ее имени-отчества, ни фамилии. Мал был. Простите меня, дорогая учительница. Как важно, чтобы на пути ребенка с нелегкой судьбой появлялось как можно больше таких хороших людей, с простым, не "наворотистым" отношением к жизни. Это отложится в памяти, ей-Богу, и потом укрепит и вынесет на стременах добра, обязательно вынесет...

Мечта о лучшей жизни

Еще помню "черный" пруд, где мы купались всем детским домом. Тогда я впервые увидел покойника-утопленника. На обратной дороге в детдом мы оживленно его обсуждали в строю (мы всегда ходили строем, под барабан, с горном). Сейчас я стараюсь не ходить на похороны, иначе долго потом болею. Хватит, навидался, особенно когда хоронил своих ребят.

Знать бы, что жизнь так хрупка. Но тогда нам казалось, что жизнь — это вечность. Только осталось поскорее вырасти, чтобы уехать в другой, лучший детский дом. Но детские дома, в большинстве своем, были похожи друг на друга. После проверки из облоно директора сняли, всех свинок отправили на бойню. Я плакал, так как многих свинок знал по именам, сам кормил, катался на них. Позже я уже не плакал даже по погибшим людям — таковы плоды моих "университетов".

После поселка Нового меня отправили в Собинку, маленький городок под Владимиром. Я знал, что долго там не задержусь, ждал дальнейшей "пересылки" и посему ходил гоголем, таким чужаком. Старшие, как ни странно, меня не трогали, знали, что не их "челюскинец",

и "впрягать" во все свои дела не стали — повезло. "Свои" у них крутились на всю катушку. Все завидовали мне, я сам себе завидовал. А зря...

Промаялся я там несколько месяцев, пока решали, куда да чего. В школу я не ходил, тут-то и получил первый пробел в образовании. Но решил, что не виноват, другие виноватые, и ловко потом спекулировал этим. С того момента я всегда учился как придется, а точнее — плохо. Потом, уже позже, учителя всегда относились к нам равнодушно, оценки чаще всего выставлялись под конец четверти или года, и "тройка" была самой хорошей и желанной. Нет, конечно, мы учились, но как-то вяло, не усердствовали, зачем? Кушать так и так дадут, спать есть где. Не выгонят же за плохую учебу.

Как ни странно, это был первый детский дом, где меня ни разу не ударили. И последний...

Суздаль—любимый город

В Суздаль меня привезли поздней осенью, вечером. И я сразу же попал на "пасс-проверку", иначе говоря — на допрос: кто, откуда, зачем, почему? Так всегда встречают в зоне.

Меня приставили к какому-то великовозрастному "паре" — для его обслуживания. Он сразу отправил меня стирать свои носки, я отказался, в результате чего появился лиловый синяк у меня под глазом, по которому мне тут же дали консультацию: если что, я споткнулся и упал... "Падать" я стал часто, как и другие одноклассники.

Детский дом — модель будущей армейской или тюремной жизни. Здесь старшие и сильные отрабатывают на младших и беззащитных технологию подавления личности. Как тут отстаивать достоинство и честь? Как и кто научит?

Наша месть "воспам"

В детском доме практически все "воспы" имели клички — маленькая месть детей. Детдомовцы безошибочно выбирали "кликухи" и между собой называли только так, отклонение от "нормы" жестоко каралось. Мы часто провоцировали воспитателей на поступки, за которыми следовали определенные реакции, выявлялись слабые и сильные стороны характера. Если "воспа" выдержит пресс и поведет себя достойно в той или иной ситуации, значит, все будет в ажуре — нормальное получит прозвище. А на нет — и суда нет, получай, что заслужил. Вот почему желательно, чтобы с детьми-сиротами работали бывшие воспитанники "системного" воспитания. Им легче разобраться во внутренней "политике", в иерархии детского дома. Дети-сироты очень часто используют неискушенных людей в своих интригах и "программах". Причем право дать "кликуху" имели только старшие и уже потом через средних передавали нам как директиву.

Например, директора детского дома называли ГФ, по первым буквам имени и отчества — Галина Федоровна, но потом из-за ее любви к строю, собраниям переименовали в Галифе. У самой крупной воспитательницы была кличка Курица, у самой маленькой и старой — Капа. И так далее. Но был случай, когда за одной воспитательницей не закрепилась ни одна из кличек старших. Это была Людмила Васильевна Касатова, истинно добрый и светлый человек. Она не имела своих детей и, как мы потом узнали, болела раком легких.

Был у нас один парень, Саша Чижков, который по заданию старших выводил ее из себя именно за теплое отношение к нам, младшим. Мы узнали об этом и устроили ему однажды "темную": накрыли одеялом и побили. Потом мне за это крепко досталось — меня провели сквозь строй (как в толстовском рассказе "После бала"). И еще долго издевались надо мной — заставляли стоять ночью на тумбочке на одной ноге с подушкой на вытянутых руках...

Все свое рабочее и свободное время Касатова отдавала нам. Ее любили все. Когда я бываю в Суздале, я к Людмиле Васильевне первой иду на могилу. Светлая ей память. Простите, Людмила Васильевна, за все и всех. Эх, если бы все вернуть да изменить...

Кино

Как-то к нам в детдом приехали киношники с "Мосфильма". Собирались снимать кино о прошлом веке. Мы, практически все, подходили на роли детей бедняков. Режиссер так и говорил. И еще он говорил: "С глазами у детей все нормально, будем снимать".

Во время съемок мы стояли в поле, на ветру, и ветер теребил нашу бедняцкую одежду. Мы должны были смотреть в камеру и на детский дом. Снимались без дублей. Но что-то у киношников не заладилось, и съемки свернули. Кино с нашим участием так и не вышло на экран. А жаль. Кажется, по такой же технологии снимали фильм "Подранки". Дети из настоящего детского дома играют трудное детство очень правдиво...

"Судебные процессы"

Редко когда ночью в детском доме не совершались всякие экзекуции. Я всегда ждал ночь со страхом. На день нам всегда давалось задание: достать по 20 копеек (тогда приличная сумма) для старших. Воровали все. Если не принес оговоренную сумму, ночью тебя судили. Всегда были судья, адвокат, прокурор — из старших, палач из средних — так их "замазывали" для "взросления", каждый раз на роль палача выбирали другого среднего... Потом, когда средние становились старшими, они уже не могли наладить отношения с новыми средними. Кто простит жестокость? А младшие, переходя в разряд средних, мстили за свои унижения ни в чем не повинным новым младшим.

Такое вот колесо.

Как проходил "суд". Все рассаживались по своим местам, и начинался "процесс". Старшие играли в "судебную систему", а мы ждали приговор. Нам, как в настоящем суде, предоставлялось последнее слово, во время которого мы клятвенно обещали принести деньги. Нам отвечали: когда принесете, тогда и простим... Вы спросите, откуда такие познания у детдомовцев? Нас часто навещали бывшие воспитанники, отсидевшие свое, они и делились опытом.

Вспоминаю Юру Пискунова, который всегда приносил оговоренную сумму или даже больше. Он "работал" в соседней школе. За старания его редко колотили. Он был очень труслив. Бывает такое в характере — врожденная трусость, человек в этом даже не слишком виноват. И еще он был весь какой-то нервный, а лицо и руки — тонкие, как у девушки. И очень жалобная "физия". Он умело "хлопотал" лицом, когда надо. Мог заплакать без подготовки, не прибегая к помощи разрезанного лука. Мы, если честно, даже уважали его за изворотливость и умение жить за чужой счет. Еще он кидался в ноги и гнулся так, что было неловко пинать. Приспособился человек к жестоким обстоятельствам.

Так вот, впоследствии Юра отмотал несколько сроков за карманничество, у него была кличка Юрка — золотая ручка. Что с ним сейчас — не знаю, но последний срок у него был "хороший".

День рождения

3 декабря, в мой день рождения, меня выгнали ночью на улицу — отправили искать 15 копеек. Я не знал, где мне достать эти несчастные копейки, и поэтому сел в сугроб недалеко от детского дома, решил — замерзну к чертовой матери!

Домой с работы шла соседка. Она увидела меня и стала расспрашивать, что это я сижу ночью на снегу, — она знала, кто я и откуда. Я честно рассказал ей, что у меня день рождения, "подарка" для старших нет. Она дала мне 20 копеек и довела до детского дома. Ух, как я радовался, что избежал экзекуции на этот раз. Утром женщина пришла в детский дом и рассказала директору о ночной встрече. Директор вызвала меня к себе, закрыла кабинет изнутри и избивала меня каблуком. Потом собрали "совет" старших, на котором меня лишили телевизора на месяц. А ночью еще хорошенько отдубасили.

Экзекуции были разнообразны. Например, групповые кулачные бои, "полеты" на покрывале, ночные хождения коленками по железной лестнице (подсказали воспитательницы)... Еще много чего... Пару раз меня приговаривали за побеги к повешению. Вешали почти "взаправду", но что-то все мешало довести дело до конца.

Вы спросите, где была ночная нянечка? Да она просто боялась подниматься в палаты, сидела у себя и смотрела телевизор или спала.

Бытие определяет сознание

Почему-то палаты со старшими мальчиками и девочками располагались на одном этаже, причем вместо дверей были шторы. В каждой палате от десяти до пятнадцати детей.

Почти все имущество в детском доме было довоенное. Новое же хранилось на складе — на случай проверки из горно, облоно или Москвы. По приезду начальников ГФ выдавала нам фланелевые рубашки. В детском доме был один ковер — в коридоре, да еще палас в кабинете директора. Еще был катушечный магнитофон и черно-белый телевизор — почти всегда под замком.

Перед проверками мы вылизывали детский дом до блеска. Видимо, проверяющих больше всего интересовала гигиена.

Одевали нас плохо, мы донашивали одежду старших. Наша кастелянша Людмила Ивановна часто плакала, ей было стыдно перед горожанами, что мы такие оборванцы. Она перешивала, штопала нашу одежду, наставляла рукава. Считалось, что младшим хорошая одежда не нужна — все равно порвут, потому что много работают. Да и зачем малышам красиво одеваться?

У всех на руках были личные номера, как в концлагере. Мой номер — 61. Я и сейчас вздрагиваю, когда слышу эту цифру... Мы все носили одинаковые вельветовые куртки сороковых годов и клетчатые пальто. Когда нужно было постирать одежду, с нас ее просто снимали, а переодеться не во что — ходи в чем придется. Слово "свитер" я узнал после 25 лет, а ведь на улице порой было 30 градусов ниже жизни... Людмила Ивановна — честная и добрая женщина, она все хотела уволиться, но так и проработала до расформирования детского дома.

И кочегары мы, и конюхи

Мы и здесь много работали, до изнеможения, что шло в ущерб учебе. А работать было где. Огород, сад, теплица... Нужно было ухаживать за свиньями, за конем Мальчиком. Мильчик весною рвался к кобылицам — вышибал ночью ворота конюшни и уходил. Мы отыскивали его, отлавливали и "сажали" обратно в конюшню.

Потом, спустя восемь лет, эту конюшню старшие сожгли по пьянке. Сгорело много сена, погибли свиньи, но лошадь вывести успели. Кто сжег конюшню, мы знали (старшие по пьянке), но молчали. Самым добрым из всех сотрудников был конюх Вася, или нам так казалось — раз человек все время молчит, значит, добрый. Он всегда был пьян, и разило от него одеколоном так, что даже лошадь порой крутила мордой и била копытом.

На конюшне у Васи всегда громоздилась гора пустых бутылочек из-под "Огуречного" или "Тройного", а сам он дрых постоянно в сене. Поварихи жалели Васю и носили ему еду в сарай, на закусон... А еще у Васи были заготовлены в подвале бочки с капустой и огурцами. Пару раз мы закрывали конюха в его подвале — пусть кушает до отвала, мы тоже добрые, как поварихи.

Детский дом отапливался собственной допотопной кочегаркой. Кочегар Коля пил еще почище конюха Васи и потому был "добрее" его. Колю редко кто видел на рабочем месте, чаще мы его замещали — топили сами углем. Иногда, когда кочегар не просыхал долго, мы не только разгружали несколько тонн угля в кочегарку, но и дежурили за него посменно, а значит, не учились. Поняв это, кочегарить потом стали старшие, прихватив с собой кого-

нибудь из нас. А уголь, который привозили, надо было убрать в кочегарку быстро, за ночь, иначе ночью местные жители все разворуют. Дома-то все деревянные, топить нечем. А сиротам — привет! Утром мозоли были кровавые, но мы очень гордились трудовым "подвигом". Из-за мозолей держать ручку не было возможности, и мы сидели под партами или чистили "картофан" в детском доме. А как-то мы работали в колхозе — убирали камни с полей. На вырученные деньги должны были поехать в Москву, на экскурсию. Потом в кабинете директора появились новые стулья. На них мы в Москву не поехали — неудобно.

Не свое, бери...

Некоторые воспитатели тащили из детдома продукты, да и все, что подвернется под руку.

Для Василия Васильевича (не помню фамилии) возили домой картофельные очистки свиньям. Так он под них хорошую картошку прятал. Все знали, что он крадет, но он был фронтовик. Чуть что — бил кулаком по голове и орал: "Я воевал за вас, гнил в болотах, мать твою..." И так далее. Часто он приходил на дежурство пьяным или же пил водку на рабочем месте. И тогда был просто свиреп, орал и гонял всех пинками по детскому дому. Мы прятались от него кто где. "Дир" пару раз с ним говорила, но он на следующий день приходил в орденах и медалях, и ему все прощалось. Как-то раз в его смену "вынесли кухню". Он смекнул, что сам виноват в ротозействе, и назначил первых попавшихся виноватыми. Директору было этого достаточно. Нас стали звать "колбасниками". Мы и в самом деле вынесли всю колбасу из холодильников и скормили ее собакам, так жалко их было.

Надо сказать, что директор собирала на всех досье и держала документы наготове, чуть что — пугала и страшила всех колонией. И многие бы там оказались, если бы не одна женщина в звании лейтенанта (она сейчас полковник). Она просто разбиралась, кто в чем виноват, журила нас и закрывала дела. Директор ходила к ней с конфетами, просила, но лейтенант отказывалась сажать нас. Но кое-кто все же сел в тюрьму, находясь еще в детском доме, потом приезжали и бравировали "сидом". Мы слушали рассказы сидельцев и наматывали на ус. А вдруг и нам предстоит?

Усыновители

Приезжали из Москвы желающие усыновить, чаще из-за расширения жилплощади. Взяли одного мальчика, потом он осенью, раздетый, возвращался в детдом пешком 400 километров. Усыновители его обвинили в воровстве, в неумении жить в семье и так далее. Хотели как-то взять и меня, но я корчил такие рожи, что людям становилось тошно. Кабы тогда знать, что придется пережить и увидеть, пошел бы в любую семью и делал бы другое лицо — лучше так, чем об косяк...

Правда, одной девочке, Марине Пелевиной, повезло, ее решили взять в Италию. И надо же такому случиться, перед самым отъездом она, катаясь с горки, занозила себе кое-что. Думали — все, не уедет. Но "итальяшки" ждали, пока не заживет, и забрали ее. Она красивая была девчушка, как кукла...

Дом, в котором мы жили

О самом доме хотелось бы сказать особо. Это бывшее монашеское общежитие XVII века. Старинное толстостенное здание с трещиной в районе туалета у девочек (посему зимой все ходили в один). Кое-кто за девчонками, пока на обнаружилось, подглядывал. Правда, потом нашли другой способ подглядывать, с крыши свинарника-конюшни...

Частенько я забирался под пол нашего дома. Искал и находил различные монеты прошлых времен, какие-то старинные вещицы — заколки, например. Мне все мечталось найти клад, чтобы навсегда решить вопрос со старшими, "отдать за всех", чтобы не трогали

нас... О кладе мечтали многие. Но, конечно, никто никакого клада не нашел. А жаль. Может, наше детство было бы не таким "соленым"... При детском доме была своя баня, очень старая. Старшие мальчишки любили ходить мыться вместе со старшими девчонками. Директор, она же ГФ, называла их женихами и невестами, но разрешала. Однако нам с нашими ровесницами в этом отказывала.

Умрем за спорт

Хотя ставки физрука в детдоме не было и за физкультуру отвечала завуч, спорт у нас любили все. А куда денешься? Особенно любили футбол — старшие против младших, хоккей и бокс. Мы часто выступали на различных соревнованиях — младшие в обороне, старшие впереди. Иногда проигрывали, но крайне редко, так как знали последствия — ночью нас били жестко и "конкретно". Спортивных груш и снарядов в детдоме не было. Из спортивного снаряжения только клюшки, коньки да пара мячей. Меня поставили с клюшкой, в пластиковой маске, в двух пальто и валенках в ворота. Мы играли против "мужиков", и я пропустил шайбу. Тут же ко мне подъехал один из старших и наотмашь ударил клюшкой по локтю. Я смолчал, мы всегда молчали, когда нас били — таков закон: пацан — значит, терпи, такой "замаз"... После игры с меня не могли снять пальто — так распухла рука. Пришлось разрезать рукав. А врачихе я сказал, что мне нечаянно попало шайбой. Ее это устроило, врачи всегда ждали подобных ответов, им было так удобнее — не надо разбираться. Вечером меня не тронули. Хотя мы проиграли, я уже был пострадавшим, в гипсе. Можно сказать, мне повезло...

В такой "вратарской" амуниции — пальто и валенки — я простоял пять-семь лет, до смены власти. Особенно мы любили "русские забавы" — сбрасывание с ледяной горки: старшие наверху, а мы приступом берем высоту. Скидывали нас как попало — ногами, руками... Может, именно тогда я перестал бояться ударов и боли. В боксе это важно — не бояться, так как жестокость своих ничто против жестокости чужих...

Тогда я сломал другую руку — упал с высоты на снег, а там камень. Со стороны и не поймешь сразу, что происходит — одни лезут, другие бьют. Еще старшие закладывали в снежки камни и кидали в нас. Раз мне попало в голову, так появился следующий шрам. Но верхом всех издевательств была "газовая камера". Сначала это были мусорные контейнеры, в которые нас сажали, закидывали туда "дымовуху" — дымящийся спичечный коробок и подожженный теннисный шарик. Нас чем-нибудь закрывали сверху, и мы должны были терпеть. Позднее нашли настоящую герметичную будку, в которой перевозили душевнобольных. Ох, и много народу в ней умещалось...

Был среди старших один, который любил ставить на нас опыты. Например, заставлял пить фоторастворы (закрепитель) и наблюдал, как действует. Как слабительное фотораствор был незаменим. Я люто ненавидел эти опыты, но терпел, говорил, что мне хорошо. Тогда мучитель добавлял еще... Добрый такой парень, мы дали ему кличку Гестапо. Так и у старших появились клички в ответ на их жестокость. Узнав об этом от "стукачей", старшие чаще стали проводить ночные "суды".

Чтобы реже видеть детский дом и старших, я записался во все, какие можно, секции и студии. Пел в хоре, играл на ложках, занимался футболом, боксом...

Однажды во время занятий хора кто-то украл из кармана директора клуба деньги. Украл не я, но меня обвинили и выгнали с позором. Я даже хотел повеситься. Ведь даже свидетели нашлись, что я украл. Так потом будет часто: детдомовский — значит, вор. Но мы же не kleптоманы, нас жизнь заставляла жить так, а не иначе. Вора, кстати, потом поймали, из "домашних". Но никто не пришел, не извинился передо мной, да я и не ждал этого.

Помню, какая-то мамаша уезжала за границу в командировку и по незнанию оставила нам своего сына. ГФ дала обещание, что все будет хорошо, но старшие так не думали... Он сбежал на следующий же день и жил у дальней родни — готов был жить где угодно, лишь бы не у нас...

О чем, парень, плачешь?

Часто к нам приезжали шефы — студенты из Владимирского педагогического института. Они приезжали попить медовухи, поиграть с нами в футбол, пьяно поорать песни "О туманах". И уезжали с бумагами детского дома, где их работа оценивалась только на "отлично", так было удобно всем.

Когда умер Леонид Ильич Брежнев и объявили траур, Курица достала всех криками: как же она будет жить дальше, у нее тоже больные почки, как у Брежнева. Мы "утешали", мол, музыка у нее на похоронах будет такая же... Потом умерли Джо Дас-сен, Высоцкий. Я даже плакал, но скорее не по ним, просто был повод...

В пионеры меня не приняли, как и в октябрята. Я все время был "мимо кассы". А когда встал вопрос о приеме в комсомол, мы побили комсорга, который сказал, зачем-то приложив руку к сердцу, что детдомовские недостойны быть в комсомоле.

Мы, пионеры, — дети рабочих?

Пионерские лагеря мы ждали как спасенья, как возможности уйти от проблем и жестокостей в детском доме хотя бы на лето. Мы легко "разводили" добрых пионервожатых на доброту. Сейчас я бы попросил у них прощения. Мы пользовались их порядочностью. Но есть ли в том вина детей-сирот?.. Порою взрослому кажется, что ребенок не понимает доброго отношения, но ребенок специально вызывает в старшем "доброту" и пользуется ею, к сожалению. Воспитатели лагерей не понимали, почему за несколько дней до отъезда мы прекращали есть, ходили голодные, бледные. Они думали, что мы грустим, не хотим с ними расставаться. Наивные, светлые люди. Я побывал, наверное, в сорока разных пионерских лагерях, но везде были плохие дырявые туалеты. В лагерях меня называли Сашка-артист — за мои способности петь, танцевать, играть в спектаклях.

Я играл Андрея Миронова в "Двенадцати стульях", Сашка Спиридонов играл Анатолия Папанова. Все валились с ног от хохота, когда мы искали в стульях "клад". Я пел авантюрные песни. Я был тогда счастлив, забывал, что где-то есть старшие парни. Меня, как самого туберкулезного, отправили на юг. После возвращения я стал разноцветным от синяков — все старшие при встрече со мной обязательно давали тумака. Так решили на "сходке". Весь детский дом объявил мне бойкот за то, что я парился на юге, а они тут за меня отдувались. Не разговаривали со мной три месяца. Правда, некоторые тайно подходили и извинялись: приказы не обсуждаются. Я с пониманием относился к сему факту.

Часто к нам приходили местные, просили бойцов в "армию" для битвы на стадионе против поселковых. Старшие вели на битву всех. "Сто-на-сто" того времени. И мы в строю, рядом с дядями.

Инновационные воспитательские проекты

Кто-то из "воспов" для повышения успеваемости и дисциплины в школе придумал "поведенческие дневники". Такая "вешалка" могла прийти в голову только врагу. Заправлять всем этим поручили старшим, их "совету". Теперь им вообще развязали руки: бей крепче, ты прав — выполняешь воспитательные функции...

Учителя видели, что мы в синяках, зато ходим "шелковые". А им что? Им лишь бы припрячь нас к учебе. Не знаешь домашнее задание — получи в дневник "кол". Они знали или догадывались, что нас колотят, ногнули свою линию. Пара учителей, правда, отказывались ставить оценки, за что им низкий поклон.

Вечерами был разбор "полетов". Нас опять судили, назначали наказание.

Когда Курица давала старшим задание: вот с тем-то и тем-то подучите то-то и то-то — она могла быть уверена, что старшие исполнят все в срок и "качественно".

Не знаю, кто пожаловался в Москву на такое воспитание, но приехала из столицы проверка. Нас построили, раздели. Проверяющие осмотрели нас, зафиксировали все следы наших "падений". Старшие тоже стояли рядом и тоже почему-то раздетые. Директор зазвала всю "проверку" на чай-водку, где оправдывалась тем, что мы очень спортивные и "угорелые". Мы же молчали, никого не выдавали. "Проверка" осталась довольна проверкой, немного пожурила директора, что мы так много занимаемся спортом и часто падаем. После этого начались первые побеги. Мы просто уже не верили в справедливость. Мы уходили в побеги по одному, по двое. В бегах находились по три-четыре недели. Нас ловили, сажали в "распредаки". Там свирепствовали местные "воспы". Мы были не их подопечные, поэтому огрызались в ответ. Помню, я как-то даже отбивался от одной "воспы" утюгом. Нам незачем было их бояться, ведь дальше детского дома не зашлют, хоть здесь-то постоять за себя...

Как ни странно, те, что бегали, потом легче адаптировались, пристраивались в жизни, видимо, за время побега получали "образование". Так-то!..

Надо было всех отправить в бега, такая образовательная программа для детей-сирот...

Каждое возвращение из побега сопровождалось смертельным страхом. Все ждали ночь — старшие свою, мы свою.

Как-то прочитал "Дети подземелья". Хотел написать автору, не зная, что он давно умер. Смешно. Читал я много, под одеялом с фонариком, в основном, правда, в пионерлагере, в детском доме не до того было.

Об одном побеге мне бы хотелось рассказать особо.

Первый побег, не последний...

"Побежники" передали мне по "почте", что в другом детдоме мордуют моего младшего брата. Обычно братьев и сестер не держали в одном учреждении, считалось, что они могут создать клан. Я собрался и тоже подался в бега. Шел ночами вдоль дороги. Ел что придется, часто воровал на рынках. Милиция имела на руках ориентировку. Меня поймали — я заснул в кустах, забыв убрать ноги с тротуара, "доброхожие" донесли. Посадили к "суточникам", которые приняли меня хорошо, даже хотели вынести на волю в пустом баке из-под компота, но я отказался. Я втерся в доверие к милиционерам, разжалобил их. Они расслабились. Я слонялся по дежурке, что-то спрашивал для отвода глаз и в один прекрасный день ушел в побег и от них... Что называется: и от бабушки ушел, и от дедушки, а от вас, менты, и подавно уйду...

Когда я добрался до места, мне было все равно, что и в этом детском доме есть старшие, знал: "чужого" не тронут, такой закон. Я сразу же нашел брата... под столом, он сидел и плакал. Я попросил его не ныть, а лучше показать, где этот Поц. Поцем оказался большой мальчик, на голову выше меня. Я с разбега дал ему, куда надо... И начал "мочить". Никто не вмешивался, все знали, что "мах" — "раз на раз". Я старался бить посильнее, чтобы дольше заживало после моего отъезда. Что-то орал ему, уже лежащему в крови, — так было принято... Его бы "взяла" — он бы то же сделал со мной... Закон.

Потом я три недели жил на сеновале, мне носили еду. Но кто-то "вломил", и за мной приехал Василий Васильевич (фамилию не помню). Когда мы садились на владимирскую электричку, провожать меня пришел весь детский дом — я был героем. Но ехал я обратно, "к своим", где не был героем, и очень печалился по сему поводу. Я мог бы свилить от "Васьки", но тогда бышо бы еще хуже. Васька всю дорогу пил, что-то рассказывал мне о себе, а я смотрел в окно... Брата больше не трогали, знали, что у него есть старший брат, то есть я — зверь. И это была правда. (Брат сейчас сидит, давно, за жестокое избиение на улице.)

По приезде месть была страшная — мне присудили "спать в шкафу" целый месяц. Все работы теперь были мои: чистка картошки, мытье ванной, уборка снега, чистка пруда от снега и так далее. Директор избила меня каблуком. Она орала, что ей плохо спалось, она состарилась из-за меня и сильно потратилась на валерианку. Но все переносилось легко, так как я знал — за что. За месячный побег, за брата — можно и помучиться.

Растем!

Наши старшие ушли из детдома, средние стали старшими, а мы, соответственно, средними... Было тяжело... Мы не заставляли, а уговаривали и просили работать младших, работали и сами — никто из нас не отказывался. И за это часто были биты старшими — за мягкую политику против младших. Те знали об этом и старались не перечить нам, помогали, как могли. Поэтому, когда впоследствии мы стали старшими, наши отношения с бывшими младшими складывались хорошо. Еще в первом классе мы дали зарок: когда будем "наверху", младших не трогать ни за что. Мы выполнили это обещание.

Были, правда, те немногие, кто хотел изменить такую ситуацию. Организовали групповую жестокую драку. Вызывали даже милицию. Но мы успели избить "бунтовщиков". Они написали "маявчу", и их перевели в другой детский дом. Там все стали бедные. Потом некоторых из бунтовщиков посадили за жестокость.

Воспитателей после стольких лет издевательств мы не уважали, ни во что уже не ставили, а попросту игнорировали: на все, что они говорили, отвечали молчанием. Такой вот пожизненный бойкот им объявили. Не всем, конечно, но многим. Эти люди просто умерли для нас. У воспитательниц младших групп стали часто возникать проблемы. Молодых кадров не было, а старым сотрудницам было трудно перестроиться, многие так и не смогли — ушли из детдома.

А через какое-то время мы стали старшими. В детском доме тогда вводились "новые порядки", в которые верилось с трудом, так как жестокость передавалась из поколения в поколение. Особенно ненавидели директора, писали на нее кому что придет в голову, вредили изрядно. Спустя годы сумел найти ее суздальский телефон, позвонил из Петрозаводска. Но выяснилось, она переехала в другой город. Стыдно, что ли, стало. Это хорошо...

В школе учителя вдруг ощутили некоторый груз ответственности за нас. Но мы учились так же плохо, догнать программу было трудно. Я же всегда любил историю и литературу, по этим предметам учился лучше всех в классе и всегда готовился только к этим урокам. Когда же были показательные уроки, я мог долго читать наизусть стихотворения или монологи из прозы, одноклассникам это нравилось — не надо было готовиться самим. Учитель по литературе Нина Тимофеевна Тонеева всячески поддерживала меня и вообще смотрела на меня как мать (хотя я не знаю, как смотрит мать, но, видимо, так же — по-доброму, с участием, как Нина Тимофеевна. И сейчас, когда я бываю в Суздале, я непременно навещаю ее.

Все кончилось

Теперь младших за прогулы никто не бил. Воспитатели пытались собрать "актив", но мы не шли на контакт, лишь устроили в ответ показательную все-детдомовскую голодовку — несколько дней не ели всем детским домом, директору даже плохо стало.

Не сказать, что мы вообще перестали управлять младшими, наказывали за кражи у своих или "беспредел", но не избиением, а работой. Когда приезжали бывшие выпускники, из детского дома уходили все — никто с ними не хотел даже здороваться, собирались их побить, но все же побоялись — у многих из них были с собой ножи... У нас тоже были, но они все же старшие, сильнее, да и память об их "делах" еще не выветрилась.

"Воспы" жаловались им на "трудности" в воспитании, но ничего не могли уже с нами поделать. Мы только еще сильнее шkodили, например, разрезали сумку у Курицы или подкладывали всякие гадости учителям на стулья. Закрывали в кабинете на полдня.

Однажды выпускники устроили пьянку на сеновале. Мы, узнав об этом, заперли их на засов. Они напились и подожгли сено. Мы ждали, когда же они начнут орать? Но они сумели выбраться с сеновала, жаль... Уже после окончания детского дома мне хотелось найти

каждого из наших мучителей и покарать, например, застрелить. Но жизнь многих покарала сама, или вернее — Бог.

Обо всех жестокостях рассказать нет возможности, да и надо пожалеть тех, кто будет читать эти строки, побережь сердца добрых людей...

Выпуск

Перед выпуском директор собрала всех и сказала: никогда не женитесь на сироте, намучаетесь... Но мы ее уже не слушали, нам хотелось скорее на волю, на свободу, которая для многих из нас стала смертельной.

Нам выдали по двадцать рублей, сезонную одежду и отвезли в первые попавшиеся ПТУ. Воспитатель Владимир Евгеньевич Коротеев дал мне еще одну "красненькую" и пожал на прощание руку. В его глазах стояли слезы. Тогда я не понял почему, понимаю только сейчас: ему было жаль меня, что я уйду в никуда. Он потом и сам вскоре ушел в никуда — скончался, у него был рак...

В первый же день в училище меня определили в общагу, выдали "хабзу", продукты. Я сразу съел весь недельный запас. Откуда мне было знать, что это на неделю? Пришли старшие учащиеся, выбили дверь в комнате, пытались конфисковать еду, но получили стулом и радио по голове. В училище учился мой старший брат, он всегда носил с собой нож, как и многие другие. Так как ПТУ было поселковое, между поселковыми и "хабзайцами" из города всегда случались драки. В первый же день я попал в одну такую поножовщину, с убийством. Мне дали нож и сказали: когда приедет милиция — будешь свидетелем (с кровавым ножом в руках!). У меня хватило ума выбросить нож в печку и сбежать.

Драк хватало. То верх" брали "хабзайцы", то поселковые. Особо любимой забавой была драка "сто-на-сто" — на стадионе. Я не раз попадал в такие зарубы — просто ужас. Здесь, в ПТУ, я серьезно продолжил заниматься боксом и гордо носил кличку Боксер. Потом кулаки часто помогали решать проблемы не только в ПТУ, но и на флоте.

На подлодке — доме

В армию меня взяли зимой, сказали, что буду танкистом, а попал на флот — там рост тоже был не нужен. Когда на ПТК во Владивостоке спросили, где я хочу служить: "над" или "под" водой, я сказал "под". Меня засунули в барокамеру и дали три атмосферы давления. Вытерпел. Отправили в учебку.

На подводную лодку я потому хотел попасть, что там, по разговорам, дедовщины было меньше. Ошибочка вышла... И стал я торпедистом. На флоте мне было проще других. Могу сказать одно — подводная лодка очень схожа с детским домом — деваться с нее некуда. В лодке все желтое, все отсеки, как жизнь в детском доме.

И вновь свобода

И вот наконец-то дембель. Настал день, когда можно вернуться домой. А где мой дом? Куда мне поехать, что делать?.. К нам на флот приезжали из Московского атомного института, звали: вам, мол, уже все равно. Нет уж, дудки! Сел в поезд "Москва — Мурманск", но не доехал до конечного пункта, сошел в Петрозаводске. Пришел в форме в училище культуры. Дали место в общежитии, стал жить. Льгот — ноль, мне уже было больше чем двадцать три, сиротские гарантии оставил на флоте. Так вот и жил... Жилье снять не мог, не умел, да и денег не было. После окончания училища меня выгнали из общаги, и я три года жил в магазинах и ларьках. Директор училища и комендант меня так и не поселили, хоть я просил, умолял их, показывал справку. Я стал работать на нескольких работах сразу. Ночью спал в магазине или ларьке. Иногда ночевал у друзей, но не будешь же все время напрягать друзей, у них своя жизнь.

Работ я сменил много. Не потому, что не сиделось на месте, были обстоятельства, о которых не время говорить. Прописки не было несколько лет, нет и сейчас, а без прописки — какая работа? ! Брался за "все, что дадут". Помогала детдомовская закалка, я не только не подавал вида, что мне крайне трудно, но при этом рос профессионально, а значит и в цене. В вуз учиться не пошел, побоялся что-то упустить. Как раз наступили перемены, нужно было выбирать — тратить время на учебу или укрепление позиций в городе. Я выбрал второе... И оказался прав. Многие, получив высшее образование, оказались не готовы к переменам, и специальности, которые приобрели, остались невостребованы. Ваучеры, дефолты — это все прошло мимо меня, не задев, так как я ничего не имел.

При новом знакомстве люди чаще всего встречали и встречают меня неадекватно — что, мол, это за комок энергии?.. Но иначе я не могу, мне надо за короткий срок наверстать упущенное, что-то, что я потерял еще до своего рождения...

Встреча с Кларой Лучко

Так случилось, что одно время я работал в госфилармонии, был выездным администратором: мотался по районам, делал так называемый "чес". Это когда за день надо организовать от семи до девяти концертов. Артисты трудились как проклятые, моя же задача была — обеспечивать их жильем, питанием, что удавалось мне хорошо, детдомовский опыт иногда в чем-то и помогал.

Предложили пригласить на гастроли Клару Лучко. Я плохо провел с ней телефонные переговоры, волновался, говорил правду о поездках... Потом за это взялась госпожа Л. Клару привезли в Петрозаводск... Я сопровождал ее в поездках в Сортавалу, Питкяранту. Мы много говорили с Кларой Лучко "за жизнь". Она рассказывала о себе, я о своем детдомовском прошлом. Она оказалась очень внимательным слушателем. И уже в Москве сказала: "Саша, а ты займись сиротами и напиши книгу о себе, ты напишешь..." За то, что я отправился с Кларой в Москву, потратил деньги на более лучший поезд, подарки, меня уволили без гонорара и зарплаты. Но мне уже было все равно, я уже знал, чем буду заниматься... Я признателен Богу за встречу с этой великой женщиной. Она за короткий срок общения, каких-то два-три дня, смогла ответить на многие мои вопросы, определить и нацелить на важные дела и свершения.

Эпилог

В церковь я ходил всегда. Стоял у входа и смотрел на священников, на иконы... У меня никогда не возникало желания выставить вперед ладошку для милостыни. (Всегда провожаю взглядом бомжей: почему они так живут?) Но что-то тянуло в церковь меня, необразованного, темного, порой желающего сложить с себя полномочия живого в этом мире. Со временем вопрос веры обрел важный смысл для меня. В тридцать два года крестился, так было угодно Богу. Если бы вера была со мной раньше, все было бы наверняка иначе. Но желание жить по правде — это тоже Вера. Я старался.

Оглядываясь назад, могу сказать, что какие бы трудности мне ни пришлось пережить, мне не жаль ни секунды из прожитых на этой земле. Я старался и стараюсь жить максимально честно и правдиво. Вопрос, для чего и ради чего живу, отпал давно. Я живу для других. Ради других. И ради памяти своих детдомовских друзей. Я живу ради тех, кто ступал, ступает и ступит на эту светлую землю. С радостью и для радости. В сердце моем всегда будет жить благодарность и признательность к людям, зачастую совершенно посторонним, незнакомым, которые порой делом, иногда словом, а иногда и взглядом вершили Добро в моей детской душе, не давали угаснуть вере в него в моем просоленном от слез детстве. Этих людей не интересовало, есть ли у меня прописка, кто я и откуда, кто я по социальному статусу... Это были просто добрые люди, встретившиеся на моем пути.

Чудо, что спустя годы можно оглянуться и признать ошибки, простить врагов своих, отдать дань чести и чистоте отдельных личностей. Благодаря которым иду дальше.

О собаке

Недавно подобрал на улице собаку, она была битая-перебитая. Видно, что домашняя, брошенная хозяином (этого предательства мне не понять).

Когда собака оказалась у меня дома, я не был готов к этому. В результате бродяжничества она перестала понимать команды, вредничала, "ходила" в комнате по углам. Решал долго, отдать или оставить. У меня мало времени, а ее "закидоны" были не по мне. Дал объявления в газеты, в ответ — тишина. Если бы я ее отдал в "собачий приют", мне бы никто ничего не сказал, всем все равно... Но она как ребенок, брошенный родителями. Я ее оставил...

А может, это она подобрала меня? Спустя некоторое время нашел для нее хороших хозяев. Но однажды, придя домой, обнаружил ее на месте, она вернулась поблагодарить.

Личное, очень

Уже сколько времени мучительно думаю: отправлять ли "Соленое детство" матери? Не знаю...

ЧАСТЬ 2 «Преодоление»

Ночные бредни

Петрозаводск начала девяностых. Непростое это было время, смутное и дерганое — ваучеры, пластинки Биттлз, Стинга, наркотический Цой, стипендия только на хлеб, талоны, в общем — полный аллюр. Ничего святого. Кого-то убивали, кто-то все терял, кто-то находил, декорации менялись.

Я учился в Карельском училище культуры, в которое пришел прямо с поезда, после службы на подводной лодке, в морской форме, и — поступил. Надо было прочесть стихи, басню, покривляться. Я все сделал: надо было жить дальше. Надо было где-то жить... В училище давали койко-место, в отличие от вокзала, где давали только в морду: милиция, ОМОН и вокзальная мафия. Чего конкретно я хочу, я не знал. Зато я знал, чего я не хочу точно: возвращаться в детдомовскую Владимирскую область, вновь окунуться в «соленое детство». Там были все наши, кто где. Чаше в тюрьме, в борделе, на кладбище. А большинства уже и не было в живых... Какое пронзительное сочетание — НЕТ ЧЕЛОВЕКА, как так? Я хорошенько прикинул, семь раз, и — отрезал. Хотя по статистике 100 процентов детдомовцев возвращаются на территорию своего детства, это как истина, но — что мне статистика?

Все три года учебы вспоминаю с благодарностью к тем, кто меня терпел. Двадцатилетний детдомовский мальчик — это готовый государственный обвинитель. Хотя о том, что я из детдома, вообще-то не знал никто, и — меня терпели. А я чувствовал свою недотепистость, малообразованность, бессемейность, но вместе с тем желание что-то делать, так меня научили в детстве. И все-таки что-то внутри, ближе к сердцу, не давало мне спать, поднимало по ночам, тащило на балкон смотреть на звезды. Это что-то отдельно от меня думало, жило, готовилось к прыжку. Голова-то молчала! И только потом я понял, что за меня думала моя маленькая — с кулачек или еще меньше — Божья душа.

Видимо, Бог закладывает в каждого умение жить душой, но не всякий может ее услышать, а мне вроде удалось. Помню, как в детдоме я часто выходил по ночам на свет коридорных ламп. Я стоял у косяка и просто смотрел на свет. Может, это и был тот самый СВЕТ, не знаю... Как там у Пастернака:

Гул затих, я вышел на подмости.
Прислоняясь к дверному косяку,

Я ловлю в далеком отголоске
Что случится на моем веку,
На меня наставлен сумрак ночи,
Тысячи биноклей на оси...
Если только можно,
Авва Отче, чашу эту мимо пронеси...
Но продуман распорядок действий
И не отвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить не поле перейти...

Жить в чужом городе без друзей и врагов было очень трудно. Все вокруг вылупились из домашних тапочек, а моя одежда выдавала «дворянское» происхождение. Босьяк — он босьяк и в 80 лет. Я был резок, порой нетерпим, каюсь, но я никогда не продавал и не искал выгоды в отношениях. Отдавал последнее, не жалел денег, заработанных в уличных ларьках. Важно, что не пил и не курил. Это поощряется не только в творческой среде, а наша среда была как раз типа творческой. Я первым на всем курсе начал подрабатывать ночными дежурствами. Прямо со смены шел на учебу, над городом вставало солнце, а мне хотелось спать... Трудовые деньги я тратил на пластинки, еду, больше ни на что не хватало. Но это были мои первые деньги. Трудиться спасительно, хотя многие детдомовцы не желают работать, ждут подачки. А мне при таком графике еще удавалось ходить на тренировки. Я занимался футболом, боксом, теннисом. Спорт — это тоже труд. Еще в детском доме я посещал все возможные кружки и секции, чтоб противостоять обидчикам. Меня били ночью, реже днем, днями я и рос. В моей крови циркулирует литра три тренерского пота. Я трудился над собой и во многом благодаря спорту нашел работу: слабака не возьмут на сторожевую полукриминальную должность, прежде надо пройти ОКД жизни.

Потом я работал продавцом, охранником, дворником, вел театральную студию, был замом в школе, в общем, написал большую Трудовую книгу. Жаль, что за нее Букера не дают.

Вступая в город П.

С чего начать общественную работу? Сперва скажи кто и ты и откуда, тогда я тебе отвечу. Прежде чем помогать другим, стоит помочь себе. Сперва сам стать достойным того, чтобы помогать кому-то. Брось жаловаться на дурную судьбу, преодолей ее, вытяни себя за волосы из болота, тогда только и веди за собой таких же бедолаг. Иначе потонете вместе.

У меня не было плана, с чего и как начать. Но что-то внутри, ближе к сердцу, двигало, и дело шло. Я разговаривал с сытыми и довольными людьми. Получив речевое образование в Культпросвете, я выступал перед каждым встречным с пламенной речью, рассказывал о том, как трудно детям-сиротам, приставал с обращениями, призывами, революционировал, проникая в сознание масс. Но внимали не многие. Частенько я останавливал человека на улице, чтобы задать ему вопрос. Помню эти большие глаза: что за псих в финских старых монботах берет интервью? Вещички-то были на мне из секунд хенда, я выглядел как больной, и мне все сходило с рук. Чаше всего люди давали односложный ответ или показывали как куда-то пройти, хотя я спрашивал совсем о другом. Так я приставал к людям около года, говорил с вахтерами, воспитателями общежития, подвыпившими знакомыми. Пару раз хотелось все бросить, ибо участия и понимания в глазах я так и не прочел.

И вот, найдившись в народ, я явился к директору одного интерната. Собрали сотрудников, перед которыми я опять выступил с пламенной речью. Все переглядывались с улыбкой, кто-то зевал, им было скучно, это всегда скучно — чужие дети. Плохо одетый парень уговаривал хорошо одетых тетю и дядю начать новое дело без денег, помощи. «Шура, я куплю вам парабеллум», — примерно так я выступил на публике. В России теперь трудно что-либо начинать без денег, одним желанием, но еще труднее понять, как оно получается у

других. Именно в этот момент я вспомнил «Мертвые души» и прикинул, что люди могут числиться в организации чисто формально.

Так родилась общественная организация «Равновесие». Вписав всех присутствовавших в протокол, я решил больше людей не тревожить, а начать дело своей жизни с тем, что есть. И вот уже пять лет, как дело живет, хотя кадров так и не хватает. Сейчас-то я понимаю, что не всегда количество — это качество. Но — до чего же прав был Чичиков: чем больше у тебя душ, тем ты выше и виднее.

А как они смотрели...

Вопрос «А вы и от кого?» в России традиционен. Если ответишь: «Да не от кого, от себя», тут и начнутся проблемы. От кого-то проще и надежнее, но я ходил по меценатам и чиновникам от самого себя, значит, надо было преодолевать и себя, и их. Это потом я понял, что нужен сиротский бренд (или бред), тогда примут, всплакнут и дадут. Но русские — народ особый, он любит, чтобы сначала была охота, потом у стола цыгане, потом щедрая рука швыряла банкноты и ассигнации в толпу. У меня не было ни цыган, ни охоты, ни гончих псов. У меня было только страшно интересное прошлое, аки копье, с которым можно и в камеру голову сунуть. Выживешь.

Если у тебя нет ни родственных связей, ни образования, а есть только желание и совесть — этого мало. Оказывается нужно притвориться и лгать, тогда все будет как надо — ложью отстаивать правду. Недоверие людей можно понять: они уже никому не верят. Как-то раз мне пришлось вести переговоры с некоторой структурой о трудоустройстве сирот. Как раз шла выборная компания, я не баллотировался. Милая симпатичная дама измерила меня взглядом и повела странный какой-то разговор, ее неверие в мои благие намерения сквозило в каждом ее слове. Скоро я посетил ее вновь посетил ее по тому же вопросу: детей-сирот надо трудоустраивать. Она извинилась, теперь мы сотрудничаем и за год многих сирот устроили на работу. Бывает и так, что вроде договоришься с меценатам о помощи проекту, вроде уже получишь добро, и вдруг вопрос в спину: а вам-то зачем все это? Приходится возвращаться и начинать все заново, вытягивать крепко засевший якорь недоверия. А время уходит.

Братки-покойнички

Будучи большим любителем поиграть в футбол, я как-то раз зашел в спортзал и напросился в команду. Прежде мне уже доводилось играть в профессиональных командах, естественно, это заметили. Как потом оказалось, в команде нашей был весь цвет криминала Петрозаводска. Крепкие и подготовленные парни готовили себя на «дела». Руководил ими известный в криминальных кругах Александр Пантелеев. Человек сильный, но справедливый. Я не входил ни в одну группировку, я просто играл в футбол, хотя в перерывах меня частенько приглашали влиться в их куражистую жизнь, где все подвластно. Однако я каждый раз уходил от ответа и бил пенальти.

Потом начался передел. До сего дня дожили единицы, — те, кому удалось соскочить со скользкой дорожки. Прочих или расстреляли в подъезде, или сожгли, в общем народу полегло неслабо. Незадолго до смерти Пантелеев сказал мне: «Марадона, — так он меня называл, — я не знаю, что из тебя получится, но видно, ты много чего добьешься. Главное — будь собой». Через месяц его расстреляли у подъезда на глазах у матери. Я часто вспоминаю его: он был честнее тех, кто живет праведней, но лживей.... А что важнее?

Быть собой... Молодежь начинает искать себя, а находит нары или могилу. Печально. Потом покойничку, его безжизненной памяти, ставят памятник на могилке, а ведь ему этого уже не надо. Тем более, если те, кто остался на земле, не желают ему рая. Как объяснить, что жизнь можно потратить не на уличные бои, а на что-то полезное? Кумиры с телеэкранов навязывают свои жизненные ориентиры, по радио мат, в газетах голые девочки, как тут молодому человеку разглядеть самого себя? Но ведь рядом с ним были взрослые люди, мамы и папы, его проводники в будущее! И что? Чему они его научили? Только после того, как случится трагедия, родители вспоминают, что чего-то они не додали своему чаду, — а уж

поздно. Почему они не интересовались, где всю ночь болтался их ребенок? Неужели невдомек, что он синий — от наркотиков и алкоголя? И как эти малолетние алкоголики будут относиться к своим детям и к своим родителям?

Остаповы сапоги, или днем стулья...

Интуитивно я изучал места, где живут те, ради кого я затеял все это. Посещал детские дома, интернаты, СИЗО и приюты. Перво-наперво следовало изучить директора учреждения. Воспитанники детских домов очень наблюдательны: кто приходит к ним, что у него в руках, в голове и душе? Директора — народ пугливый, боится несанкционированных контактов. Они мне мило улыбались, говорили, что все у них замечательно, тем не менее такая организация нужна. И выражение лица у них было кислое, хотя и снисходительное. Сейчас я со многими из них дружу. Они рассказывали мне, как кто-то уже пытался создать подобную общественную организацию, но не смог: трудно. Я улыбался и незаметно прятал чайные ложки в карман. Потом я ходил к чиновникам, сидел в коридорах власти, смотрел, запоминал, кто в какой кабинет заходит — это ж целый спектакль, — кто с кем дружит, кто как говорит, и кто как одет. Принимали по-разному. Но — образование, полученное в культпросвет училище, позволяло как-то себя подать. Я опять жарко рассказывал о трудностях детей-сирот, меня охлаждали чаем, обещаниями, однако на второй встрече переспрашивали: «Вы к кому?». Коллекция чайных ложечек пополнялась, но машина уже закрутилась, ночью я спал в ларьке, днем ходил по учреждениям, редакциям и выступал.

Народ ко мне по привычке, уже смотрели спокойно, говорили комплименты типа «все у вас получится», «да-да» или даже трижды: «да-да-да» и одно «нет». При этом за мной следом ходили некоторые граждане с прямо противоположными высказываниями. Теперь они мои Почетные враги, без которых никак нельзя. Они звонили в редакции, всевозможные службы, говорили гадости и злые наветы. Я понимаю, что преодолеть двойственное чувство к личности просителя очень трудно. Когда машина закрутилась, многое стало мне понятно. Знакомства ни к чему не привели, однако кое-что прояснили. Важно просто делать свое дело, тогда любая чешуйчатая ложь отскочит сама собой. Очень люблю «Балладу о правде и лжи» Высоцкого. Вот, сейчас поставлю: «Я молюсь за вразей своих»...

Секретарь-телохранитель, или преодоление

Самое трудное в общественной работе — найти тех, у кого есть средства для реализации планов. Кто они, где живут? Может быть, на деревьях?

Тернистый путь начинается с секретаря, который тебя оценивает внешне: какие-то оборванцы пришли к директору, это еще зачем? Преодолеть секретарский кордон — большое искусство, тут важна не только шоколадка, но и первый вопрос. Секретари конца 90-годов чаще всего были членами семьи руководителя. Ноу комментс. Своих боссов они защищали яростно, до последнего патрона... Разговор начинался традиционно: «Вы кто?». Ответ должен сразить стража наповал. Главное — проявить себя как личность через юмор, легкость, свежесть... Можно произнести нечто оригинальное, пусть и не имеющее отношения к просительству. Тогда железная леди рассмеется или игриво улыбнется по крайней мере, наклонив головку... Это победа.

Научившись преодолевать блокпосты, я получил доступ к телу.

Тела чаще всего встречали не вставая. Они только указывали, на какой стул можно есть. Но я всегда садился на другой, это удивляло: как это я не подчинился... Тогда мы начинали разговор.

О собратях по цеху. Коротко, но резко

Одно время было модно говорить о социальном тендере, социальном заказе. Различные муниципальные организации заигрывали с общественными объединениями, приглашая на всякие ярмарки-форумы. На самом деле все это делается для галочки и палочки, так как интересы самого НКО никого не интересуют. Важно сообщить высокому начальству: НКО

под контролем. Игры с тендерами и грантами — самая выгодная тема. Многие общественные организации ориентируются исключительно на гранты, они только для этого они и создаются, будто манна небесная сама собой повалит им с неба. А ведь это каторжный труд — думать и работать для других, при том, что общественным организациям завышают аренду помещений, ущемляют права в судах и т.д.

Бюрократам не до НКО, им бы на своих стульях удержаться, чтобы бездельничать при новом хозяине, сгребая взятки обеими руками. Больно смотреть, как общественники, представ перед очами некоего руководителя отдела, ждут, когда им назовут сумму. Сегодня НКО — это чаще всего полностью контролируемые властью организации, за редким исключением. Власть подсовывает их руководителями разные подачки в виде должностей, лишь бы не зудели над ухом. А ради чего и кого создавалась эти структуры? Кто теперь помнит? Получили привилегии, сели на административный ресурс — и давай строить свою карьеру. У нас таких тут много, впрочем, как и везде. Ну почему нельзя остаться при совести, не продаваться?

О грантовых фондах, что чаще в Москве

В начале своей общественной карьеры я приехал в Москву получать знания, как написать грантовую заявку и как работать в третьем секторе. Приехал в розовых очках, мне казалось, что горячие сердца тут же обретут поддержку и опору. Тепло детям и т.д. Наивняк! Как я ошибался. Работникам этих фондов нет дела до наших горячих сердец. Они работают и живут прежде всего для себя. Я видел самодовольных дам, которые приезжали на хороших машинах и морщили нос в сторону нас — наивных деревенских людей, ожидавших барской милости. Пренебрежение читалось на их лицах, порой переходящее в раздражение. Я тогда не знал, что фонды — это суперкоррупцированные организации, берущие взятки и проценты за то, чтобы заявка была удовлетворена. Как можно брать у детей с ДЦП, сирот? Но они брали. Мало того, что в этих фондах работают менеджеры и тренеры, нахватавшиеся книжных теорий. Они восседают на такой заоблачной высоте, что ты чувствуешь себя уже не просителем, а униженной букашкой.

Я перестал писать в эти самые фонды. Я работаю с тем, что рядом, на своем административном и информационном ресурсе. А недавно, я получил письмо от нового руководителя Фонда. Он пишет о том, что в фонде произошли изменения, что по итогам проверок многое прояснилось и всех уволили. Я было обрадовался. Однако на днях звонил в другой фонд, проконсультироваться. Мне ответили, что все бывшие работники этого фонда работают теперь у них. И мне теперь будет проще работать со старыми друзьями. У меня не было слов. Видимо, Ревизор до них не добрался.

Подайте копеечку

Сейчас престижно подать визитку, блеснув регалиями. Однако визиток у меня не было, я выдавал короткий зазубренный бренд-предложение о судьбах детей-сирот, об их проблемах, плавно переходя на совестливые предложения.

Редко когда разговор был скор. Человеку в кожаном кресле нравилось говорить о том, с чем лично не сталкивался, но где-то читал. Уже к середине разговора становилось ясно, окажет человек конкретную помощь, или мы ограничимся художественной прозой. Помню, был разговор с одним очень важным человеком. Сперва он заявил, что у него всего 15 минут, однако мы проговорили 4 часа, несмотря на то что он то и дело напоминал про эти 15 минут. Вообще, общение с людьми, от которых ожидаешь помощи, — очень хороший опыт. Отшелушиватся все второстепенное. Хотя отказ гарантирован в 90 процентах случаях, — это тоже опыт и труд, фундамент будущих побед.

Уже потом, обретя опыт, я понял, что важно не просить, а предложить сотрудничество. Но первые чужие деньги для «чужих детей» — самые соленые и памятные.

Если одежда или взгляд выдают проблемы хозяина положения, — такой не только не поможет, он выльет на тебя ушат своих проблем. Бывает и так, что вроде бы не откажут, но и помогут, хотя могли бы.

Случалось, что спрашивали сразу: «Сколько вам надо?», но таких людей было очень мало. А тот, с которым я проговорил четыре часа, так ничем и не помог, Бог ему судья. Кстати, он уже разорился.

К сожалению, в России пока что не развито меценатство, участие в судьбе ближнего. Мало жертвенности, один PR, позерство и эпатаж. Сломал депутат ногу, об этом во всех газетах: как он со сломанной ногой, бедный? А когда бабушки штабелями падают на скользких улицах, это никого не волнует. А ведь достаточно просто протянуть руку...

О чем твоя песня, певец незнакомый?

Выработав бренд сбора средств, я занялся организацией проектов и мероприятий для детских домов. Цель была двоякой: первое — просто начать сотрудничество, второе — познакомиться с детьми, поскольку в самих учреждениях это невозможно. Целых два года проводили мероприятия одно за другим: конкурсы, соревнования, гуманитарные акции. Меня приняли. Самое важное — эти мероприятия превосходили все внутренние проекты, так как в учреждениях мало людей, знающих режиссуру, способных привлечь дополнительные средства, чтобы получился праздник. Опять же учеба в училище культуры сослужила хорошую службу. Сначала мероприятия устраивали для одного конкретного учреждения, потом наконец удалось собирать всех вместе. Это давалось не просто. Частенько мои телефонограммы не шли дальше принимающего. Многие проекты имели меньший успех, так как детей присутствовало мало, однако участники мероприятия всегда проводили его на высоком уровне, будь то Симфонический оркестр, спектакль или спортивные соревнования. И пошла молва. Хотя и до сих пор не просто собрать несколько учреждений вместе, и все-таки дети чаще выходят из стен детдома, видят мир. Все проекты невозможно перечислить, их было очень много, и все они принесли конкретную пользу. Теперь дети сами приходят и спрашивают, когда будет новая программа, когда стартует новый проект. Мы провели конкурсы рисунка, сочинений, дискотеки, Олимпийские игры, спортивные соревнования, тематические встречи и т.д.

Неличная личная жизнь

Ее не было, и пока к сожалению, не предвидится. Да и что такое личная жизнь? Привязанность к бытовым приборам, мягкой кровати и ножу для хлеба за 100 долларов? Или теща, живо интересующаяся, как живете, что жуete и что у вас в мусорном ведре? Моя семейная жизнь не получилась по многим причинам. Как мне сказал один приятель, общественники долго не живут, и он был прав. Мне трудно объяснить, отчего я не бросил все ради семьи. Как мне кажется, гражданская позиция — это по большому счету не сохранение семьи как таковой, это просто жизнь ради других. Может, я не прав, но это то и стало камнем преткновения. Мне звонили домой, просили помочь, моей половине это не нравилось. Но если человек стоит на балконе восьмого этажа, просит поговорить с ним, могу ли я ответить: «Прости, я весь в семье». Мы с женой общались на повышенных тонах, пытаюсь достучаться друг до друга, и вот однажды мне сказали, что со мной не весело, тогда я понял, что не весело не со мной, а с тем, чем я живу, с чужими бедами и проблемами. Что ж, это действительно малопривлекательно. Я забрал пакет с вещами, компьютер и ушел. Теперь поздно искать понимания там, где его не было, где во главу угла ставилась прописка в паспорте, хорошее прошлое, машина и прочие причиндалы, которые для родни были высшим благом. Обиды нет, злости тоже, хотя дочь растет при чужом дяде. Остался опять же опыт — друг ошибок трудных, и гений — парадоксов друг. Помнится, бывший тесть с порога заявил: «Как же у него прописки нет? Без этого нельзя!» И пошло-поехало, ритуальный круг по обставлению своего земного счастья. Иногда мне говорят, что дела надо оставлять на работе, но ведь жизнь — это самая главная наша работа, так и надо этот Божий дар отрабатывать. Или мы все нахапанное утащим на тот свет вместе с тапочками?

Чичиков отдыхает

У организации не было ни офиса, ни телефона, ни статуса — ничего, чтоб могло способствовать ее росту. Было только желание много что предпринять.

Свои первые материалы я делал на довоенной печатной машинке. Писал статьи, составлял планы, отмечал интересные мысли и все это складировал в ящик, мотаясь по съемным квартирам или проживая прямо в магазине. Все свое носил с собой. Тогда мне пришлось устроиться на три работы сразу, чтобы хоть как-то нормально выглядеть, купить одежду, туалетную воду.

Время шло, а офиса и телефона не было. Но главное, что было ДЕЛО. Позже КУМИ выдало мне разрешение на один подвал, где мне хотелось организовать республиканский центр для детей-сирот «МАЯК». Это был бетонный подвал из фильма ужасов, хорошее под хорошее разве дадут? Но мне удалось уговорить ряд предприятий помочь капитально отремонтировать его, организовать туалет. Опять я ходил и просил краску, линолеум, гипсокартон, гвозди — все необходимое для ремонта.

При этом работал, выживал. Мне помогали друзья, с которыми я играл в футбол в одной команде, директора строительных предприятий, и все вроде бы шло гладко. Но тут мэр, которого я постоянно третировал в СМИ по поводу заброшенности детей-сирот, отобрал у меня помещение за неуплату аренды: все средства шли на материалы. А деньги были потрачены немалые, хорошую машину можно было купить, только в нее дети-сироты вряд ли бы поместились. Мэр отказывал, начались Арбитражные суды, продолжающиеся и поныне. Оставив арендованное помещение, я пришел к тому же директору интерната, что принимал меня в первый раз, и упросил дать мне бывшую лыжную комнату — разрушенную, разбитую. Зданию уже более 50 лет. И опять я пошел по людям, просил материалы, средства, искал тех, кто бы мог отремонтировать помещение — маленькое, но свое. И вот вскоре открылась столовая для тех, кто живет на улице, установлен десятиметровый "Крест памяти" на месте расстрелов в 30-е годы, организованы поездки в колонии, СИЗО, детские дома, приюты. А власть продолжает жить по своим, только ей ведомым законам, и не мешать она просто не может. Скоро новый суд, опять придут приставы, будут проситься в организацию помощи детям-сиротам... этой волынке уже пять лет. Не случилось у нас любви с властью, не подошла мазь, лыжи отношений скользят плохо. Мне б они только не мешали! Ведь я их всех люблю.

Как-то я попытался достучаться до сердец студентов и преподавателей социальных отделений институтов, техникумов, училищ, университета. Зам по воспитательной работе собирал всех в зале. Мое выступление длилось около сорока минут, народ молчал, вопросов не задавал, смотрел в стенку. Я уходил, оставляя за собой гробовую тишину. Будто их посетил гробовых дела мастер Безенчук и всех измерил. Однажды я собрал весь коллектив педагогического колледжа, но опять мое выступление не произвело впечатления, жаль. И я опять ушел в тишине. Меня нагнал стук чьих-то каблуков, дама лет тридцати извинилась за весь коллектив, но при этом шепнула, что на днях они так же завалили организацию инвалидов. И густо покраснела. А однажды я прослушал доклад в одном из интернатов. Преподаватель, доктор наук, рассказывала, как волонтеры работают с детьми-сиротами. Это дама была как раз из того самого колледжа. Мне тоже пришлось выступить, так как она открыто врала, подменяя понятие студенческой практики волонтерской работой ее студентов. Она сидела красная, и весь зал краснел. Так у нас в России врут доктора наук, потому что нужен отчет о добровольческой работе с сиротами. Врать престижно. В процессе выступления досталось и мэру, и воспитателям, и Путину, и всем, кто отвечает за детей-сирот. Конференция благочестия и чистоты превратилась в сечу. Кому хочется слушать правду о своей плохой работе? Именно тогда, устав взывать и просить, я решил работать один, привлекая таких друзей, которым не надо ничего объяснять. Они просто помогали, хотя и задавали вопросы типа: ты что, в депутаты метишь? А я улыбался. Так сложилась организация мертвых душ «Равновесие», которая помогает тем, кому трудно. Нельзя сказать, что помощников нет. Есть люди, которые по первому зову готовы пойти в СИЗО,

детский дом, тюрьму. С благодарностью вспоминаю семью Ларионовых, моих первых помощников. Как трудно юному сироте найти значимого человека, который поможет обрести себя в себе и себя — в мире. Именно Ирина Ивановна Ларионова первой прочла «Соленое детство» и сказала, что это надо печатать. Она отнесла рукопись в журнал «Север», а там редактор Панкратов Станислав Александрович дал рукопись сразу в набор, отодвинув конкурентов, так понравился ему мой рассказ. Спасибо им за эту заботу. Как важно, чтоб тебя поддерживали! Господь сводит вместе людей, которые помогают друг другу. Буду всегда вспомнить с благодарностью Наталью Мешкову, Рому Гольцева, Диму Лебедева, Владимира Корниенко, Анатолия Семенова, отца Константина, Олега Иванова, Толю Цыганкова, Сашу Шумских, Анатолия Парилова, Вагана Хачикяна и многих других. Как мало надо — быть просто людьми, но как это много! Да, и свою учительницу по литературе Нину Тимофеевну Тонееву вспомню. Дай вам Бог всего! Простите за длинный список, но когда еще поклонисься...

Крестился еси

33 лет от роду я принял крещение. Поначалу мало что понимал в церковном укладе, однако осмысленно ходил в Храм и стоял на службах. В один момент я подошел к дьякону Александру Попову, и спросил, есть ли в Храме священник, понимающий в строительстве. Как мне потом сообщили, я выглядел совершенно дико, повествуя об идее нового храма в центре города.

Мне посоветовали обратиться к отцу Константину, получившему университетское образование по строительной специальности, я оставил для него самодельные визитки и ушел дежурить в ночь. Потом состоялась встреча с Архиепископом Карельским и Петрозаводским Мануилом, мы долго говорили о судьбах детей-сирот, о том, как трудно выпускнику сиротского учреждения встать не на ноги — на колени. Архиепископ меня внимательно слушал, спрашивал сам. Видимо, из разговора и возникло решение дать храму имя Иоанна Богослова, покровителя детей. И мы начали строить. В храме я всегда искал спасения — от того, что творилось в детском доме и в личной жизни, от дурных мыслей и всего, что бредило голову. Сейчас я понимаю, что будь моя вера крепче, я бы смог бы помочь своим друзьям. Они бы не легли в сыру землю, не дожив до тридцати лет. Тогда бился я только за себя, а это в корне неправильно. Ах, если бы в десятке моих детдомов хоть бы один воспитатель был верующим, скольких ошибок удалось бы мне избежать! Как мало было смирения и терпения, как мало упования на Силу и Любовь Христову, как много было содеяно по гордыне и злобе! Теперь я страстно желаю, чтобы именно дети-сироты были при церкви. Господь их не оставит в час трудный глада и боли. Но как трудно сие, как мучительно приживается в народе любовь к Богу и человеку.

Отец Константин. Мы строим Храм

Со слов отца Константина, получив визитку он сразу подумал: бред. Увидев меня, подумал, что я похож на сумасшедшего. Вопрос я задал ему соответствующий. «Будем строить церковь?» — спросил я. Уже потом, в процессе строительства, я понял, что идея возведения храма в центре города — действительно нелепость и бред, теперь я сам скажу это любому. Так и есть. Однако отец Константин начал сотрудничать со мной, и уже в первый же год нам удалось сделать рабочий проект, согласовать место будущей церкви. Второй год был очень сложным, состоялись очень не простые встречи с теми, кто бы мог помочь нам построить храм. Опять приходилось искать, так что опыт сбора средств очень помог. К концу следующего года фундамент храма уже был врыт в землю. Через год появился сруб, еще через год храм освятили, и в нем начались службы. Но как много пришлось пережить непонимания и отрицания. Порой настоящая злоба сквозила в глазах тех, к кому приходилось ходить, все это осталось в душе. Храм встал рядом детским учреждением, где живут глухонемые и плохоговорящие дети, они — главные прихожане храма. Для них идут службы с сурдопереводом. Как важно, чтобы ребенок сирота не осерчал сердцем, не озлобился на мир, и нес в душе любовь к людям, Богу, это возможно только через церковь.

Мне очень радостно от мысли, что дети идут к Богу, и он их принимает.

А как мы боролись и боремся за этих детей! Некоторые воспитатели приняли крещение вместе с детьми в храме Святого Апостола Иоанна Богослова, но есть и такие, что ревностно блюдут казенное, а не душевное отношение к детям. Некоторые воспитательницы не желают слышать о том, чтобы дети потрудились во Славу Божию, пускай лучше сидят в группе, мают беду. Так кто же настоящий глухонемой: дети или их взрослые воспитатели? Почему их сердца не слышат веру?

Меня и мою дочь Александру крестил отец Константин. Многие мои знакомые крещены в этом храме, значит все идет, как надо. А колокольный звон льется вдаль... Ух!

Медные трубы мои

Согрешу, если скажу, что меня не волнует, что думают мои подопечные. Все стены в офисе, где я и живу и работаю, улеплены плитками благодарственных писем, недавно я получил медаль «За хорошую работу с заключенными», наш Попечительский совет, который я возглавляю, стал лучшим в России по итогам 2003 года. Но — мне никогда не хотелось влезть в кресло депутата, чиновника, это истинная правда, вот вам крест. Хотя многие вокруг трудятся именно для того, чтобы в эти кресла залезть. Мое лицо частенько мелькает на экранах телевидения, в газетах, однако я вовсе не тешу самолюбие, я просто хочу быть по-хорошему узнаваемым. Социально-ответственное лицо детей-сирот, полномочный их представитель. Благодаря этому теперь можно решить вопрос по телефону, помочь с пропиской, одеждой, продуктами, отправить на учебу в вечернюю школу. Статус у меня есть, но не для карьерного роста. В самом начале мне часто задавали именно этот вопрос: тогда ради чего? Теперь уже не задают, слава Богу! Ко мне часто приходят люди, иногда просто за деньгами, одеждой пр. Это же так просто — поддержать свои тела в бренном мире. Я пытаюсь убедить их изменить свое мироощущение, избавиться от чувства ненужности. Иногда это получается. Почему у людей такой настрой — собирать с миру по нитке, почему нельзя перестроиться и начать новую жизнь? Даже если в ворота жизни забито сто голов, еще целый тайм впереди. Внутренняя раздраженность порождает обиды, обвинения, гнев, недовольство собой как человеком. Да. Нужно немало лет, чтобы получать дополнительные навыки, образование, веру в Бога, но ведь время все равно движется вперед. Почему бы заставить его работать на собственное благо? Начать ходить в церковь, гнуть в себе Гордыню, перебороть желание обвинить в собственных бедах Бога, мир. Почему беда воспринимается только как тупик? Напротив, это дверь в мир иной, светлый, которого не стоит бояться. Остановиться, оглядеться, перекреститься, и начать самому меняться. Это трудно, но это возможно.

Говорят: жилья нет, зарплата маленькая. А что вы сами сделали для того, чтобы изменить ситуацию? Ничего. С какой стати тогда слезы льете по себе, еще живому, который не способен на поступок ради себя и своих детей! Многие, например, не подозревают, что я сам живу в офисе площадью всего-то 6 метров. Зато у меня ощущение жизни, есть сути. Неважно, где и как ты сейчас живешь, важно — для кого и для чего. Это моя жизнь, у меня к ней достаточно претензий: нет прописки, нет статуса — но есть же желание и мотивация что-то менять. Значит надо работать, а не стенать попусту. Не надо бояться ошибиться, ведь победы вымачиваются именно чрез углы. С юмором, с песенным настроем, улыбочиво и широкодушно дарить себя другим — это тоже вложение. Все вернется, но в ином качестве. Людской род я достаточно разглядел сам на эскалаторе судьбы, когда мимо шли и текли рекой разные люди. Я подсматривал за ними, познавал. Как это интересно — наблюдать за людьми, запоминать и держать их в файлах памяти, анализировать, как живут и чем живут люди. По сути, вся жизнь — только вдох и выдох. Но Господь щедр, и мы вдыхаем жизнь. Для тех, кто видел в жизни только стену детского дома или забор с колючей проволокой, это тем более важно. Для преодоления себя не имеет значения, сколько вам лет. Важно любить жизнь во всяком ее проявлении. Тогда и жизнь будет щедрой и снисходительной к нам. Давайте жить вечно светлой и славной жизнью.

Мне часто снится детский дом

Мне часто снится мой детский дом, хотя я покинул его стены больше 20 лет назад. Сплю нервно. Во сне вижу еще живых своих товарищей, читаю, глажу свою школьную форму. Являются мучители-воспитатели, сон мой нервный, но покаянный. Моя жизнь перевалила экватор, хочется пожить для себя, но — стоит только лечь спать, как я попадаю в детский дом, СИЗО, и встречаю «глаза одиночества». Тут же мысль пожить для себя испаряется. Очень трудно жить по условиям, которые диктуют обстоятельства, но так честнее. Господь указал мне мое предназначение — прощать своих недругов и мучителей. Я научился любить тех, кто не любим обществом, все свое время и жизнь я отдаю им, это большое счастье — знать, что живешь не зря. Можно искать смысл жизни в материальных ценностях, но итог будет печален: ради чего и кого все это? Я же ищу своих товарищей, брожу по Интернету, размещаю фото, обращения, я готов выслать им деньги, только они б нашлись. Тишина.

Недавно я опять ездил в Суздаль, ходил, вспоминал, думал. Как славно, что я могу наведываться в город детства, бывая в Москве на конференции или по делам. Мне нравится песня про городок в финале одноименной передачи: «Ах, как хочется вернуться в городок», городок детства... Но — видимо, то, возле сердца, не дает мне спокойно спать.

На днях позвонили с ОРТ (Первого канала), хотят, чтобы я рассказал о детском доме, как прошло мое детство, юность и так далее. Я думал, что мои воспоминания волнуют исключительно меня самого. Так трудно каждый раз вытягивать эту занозу... Но я готов вспоминать — ради тех, кто этого не пережил. И дай Бог, чтобы с ними не случилось первой части этого эссе – Соленого детства. Которое застряло в моем сердце вечной занозой.

И очень личное:

Не знаю, посылать ли вторую часть матери...

Автор рассказа Copyright © Александр Гезалов

Фотографии Copyright © Владимира Ларионова

Полная или частичная перепечатка, издание и/или тиражирование запрещены без согласования с автором и наказуемы в соответствии с «Законом об авторских и смежных правах».

Copyright © КРОМО «Равновесие» 2003